

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин, Карельская государственная педагогическая академия (Петрозаводск, Российская Федерация)
YuLinnik@yandex.ru

Рец. на кн.: Кондратьев И. В. В поисках невымышленного Сампо. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 132 с.

В книге И. В. Кондратьева «В поисках невымышленного Сампо» исследователь утверждает, что нашел исторический прототип Сампо – причем крайне нетривиальный, неожиданный. Только ли архетип Мирового древа стоит за удивительной мельницей? Или категоричней: не навязан ли он – как некий готовый стереотип – крайне сложному, многозначному образу? Думается, что мельница Сампо прежде всего связана с архетипом чудесной избыточности, когда эффект получается если не даром, то за счет какой-то невероятной изобретательности, производящей впечатление сказки, фантастики. У этого архетипа могут быть самые разные воплощения. Инвариант здесь один: Сампо работает против энтропии – производит антиэнтропию.

Представим себе, что древнее племя окружило небольшое мелкое озеро круговой плотинной, дабы поднять уровень его вод. Рыбы резко прибавилось, с ирригацией не стало проблем. Искусственно созданный перепад мог быть задействован для весьма нетривиальных целей. Почему бы не представить, что под лотком водосброса располагалось нечто подобное мерёже? Регуляция осуществлена – и улов получен: замечательное удвоение функций. Увлечшись гипотезой И. В. Кондратьева, я позволил себе развить ее вот в каком направлении: а не была ли уникальная плотина соединена с мельницей? Естественно, что колесо крутилось бы лишь при спуске вод, но за короткое время оно успевало бы хорошо поработать, при сильных дождях тем более. Наше дополнение перспективно в том плане, что оно еще теснее соединяет Самро с Сампо, толкуемом прежде всего как мельница. Посмотрим на озеро, окруженное кольцом свай, с высоты птичьего полета. Инженерное чудо на заре цивилизации! А потом враги разрушили плотину. Племя откочевало на север. Удаление во времени и пространстве от чего-то родного, ключевого всегда содействует его мифологизации.

Историческая память часто работает как поэт – метафорически переосмысляет, переиначивает реальность. Но суть остается сохранной. Нечто подобное случилось и с озером. Пройдя через ряд метаморфоз, оно предстало как Сампо – превратилось в расцвеченный миф. Поначалу сознание противится дерзкой гипотезе: не мо-

жет быть такого! Сейчас мы изложили (с некоторыми дополнениями и экстраполяциями) идею И. В. Кондратьева. Не будем спешить с априорным протестом. Вдумаемся в аргументацию автора. Она убедительна. Прошлое порой не оставляет никакого следа, кроме топонимов. Загадочно звучащие, они манят в свою глубину – опытный взгляд способен различить на самом дне сокровенные смыслы. Название одной из глав книги И. В. Кондратьева – «Чудские и лопские топонимы как следы этнических границ древности» (с. 17). Речь идет о юго-западе нынешней Ленинградской и западе Псковской области. Чудское озеро – деревня Чудиново – река Чудка. И рядом – урочище Лопова Тишь – деревня Лопанец – село Лопотово. Мы помним о главной коллизии «Калевалы» – калевальцы противостоят лапландцам. Первые генетически связаны с чудью. Вторые восходят к протосаамам. Борьба идет за Сампо. Средоточьем местности, о которой идет речь, является озеро Самро. Сходство с названием волшебной мельницы является случайным? Автор исследует этот вопрос, исходя из двух вполне оправданных предположений:

1) своеобразие топонимики – ее смешанный характер – может указывать на то, что именно тут завязался этнический конфликт, впоследствии ставший сюжетной основой «Калевалы»;

2) Самро как-то связано с Сампо.

Но как? Автор называет озеро *отпечатком* мельницы – имеются в виду его круглые очертания (с. 22). Не слишком ли общий и расплывчатый изоморфизм? Надо бы как-то его уточнить. И почему в словах, фактически отождествляемых автором, «р» заменилось на «п»?

Протосаамская топонимика имеет огромное значение для познания истории Севера в ее наиболее архаичных пластах. Порой она и только она дает пусть очень тонкую, но надежную путеводную нить, способную вывести к истине. Автор научился двигаться вдоль нее. Профессионально освоив финно-угорскую филологию, он делает подчас рискованные, но, несомненно, эвристичные сближения смыслов. Вот алгоритм, позволяющий от Самро перейти к Сампо:

1) Саммера – саамское море; заметим, что понятие моря древние относили к крупным водоемам – иногда даже к заливам.

2) *Покх* по-саамски — дно; *Сампокх* — дно моря.

3) Редукция окончания приводит нас к *Сампо*.

И. В. Кондратьев использует оригинальный метод: топонимы конкретной местности он накладывает на имена мифических героев — выявляемые унисоны не могут не интриговать. Недалече от озера *Самро* находится река *Ильменка*. *Сампо* выковал *Ильмаринен*. Если учесть, что *ринтта* переводится с саамского как берег, то в имени героя мы услышим: *берег Ильмы*. В окрестностях *Самро* находится поселение *Вейно*. *Мейн* по-саамски — яйцо: понятие, имеющее вес архетипа, — вспомним космогенез «Калевалы». Сочетая *Вейно* и *мейн*, получаем еще одно имя: Вайнямёйнен.

В замечательной книге И. В. Кондратьева много поэзии. Игра ассоциаций у него — и вытекающие из нее этимологии — кому-то покажется фантазмагоричной. Это вне науки? Но как раз такой тип мышления зачастую необходим для прорыва к новому: скрытые связи при вспышке озарения обнаруживают себя — и это подчас дает шоковый эффект. Вот большая загадка: почему именно гидронимы наиболее архаичны? И наиболее устойчивы в потоке народов, культур, языков? Гидронимика, связанная с озером *Самро*, — и содержание калевальских рун: соответствия между ними, выявленные И. В. Кондратьевым, скептик вправе считать случайными. Но непредвзятый читатель не будет уходить от остро и ярко поставленной проблемы. Выявленные корреляции должны заинтересовать его и спровоцировать на аналитические размышления. Когда-то возле *Самро* обитала вода. В звучании данного этнонима легко угадывается самоназвание народа — *вадда*; этимология тут возводит к весьма необычным значениям: *свая*, *столб*, *клин*. В 1983 году в п. Калевала от Т. Д. Ватанен (1907 г. р.) была записана детская песня «Жил-был Онни-Манни». Приведем фрагмент из нее в переводе И. В. Кондратьева:

*В церкви — молодые мужчины,
Еще вина не пившие,
Еще женщин не знавшие,
Скручивают канаты,
Железные канаты вяют,
Чтобы края моря связать,
Залив Пятку приукрасить,
Чтобы море усмирилось сваями,
Чтобы залив Пятка красивым был* (с. 57–58; выделено нами. — Ю. Л.).

О сваях, забитых вокруг водоема, пел и Архипп Перттунен — руну с этой загадочной деталью записал от него в 1834 году Э. Лённрот. Там мы находим весьма странное сравнение: «Озе-

ро — как лодки плетение». Вот какое истолкование предлагает нам И. В. Кондратьев: «Сравнение состояния озера с плетением лодки, по-видимому, предполагает сшивание бортов озера подобно сшиванию бортов лодки при ее строительстве» (с. 59). Борт озера! Само словосочетание — явный парадокс. Но попробуем сказанное в рунах и песнях принять если не буквально, то с минимумом условности как отражение реальности. Тогда становятся понятными и медные цепи, и железные тросы, о которых фольклор говорит применительно к деятельности, связанной с укреплением берегов. Вот где будет востребован талант кователя Ильмаринена. Автор дает полную волю воображению, и оно приносит весьма конструктивные результаты. Приведем точные гидроинженерные расчеты И. В. Кондратьева. Для того чтобы поднять уровень *Самро* на 4,5 м, нужно забить по периметру 2250 м — 7500 свай с диаметром бревен в 30 см. Рыбная продуктивность возрастет при этом до 515 раз (с. 56).

После гибели *Сампо*, а это, по И. В. Кондратьеву, не что иное, как уничтожение свайного ограждения, мы слышим от Вайнямёйнена утешение, требующее комментария:

*Но у нас — посев и пашня,
Нам — и всяческое жито* (с. 113).

Вот объяснение этого эпизода: «...после ухода воды мелководье северно-западной части озера должно было стать пашнями и местами для покосов» (с. 113). По сути речь идет о серьезной экологической катастрофе. Что же предшествовало случившемуся? Еще раз бросим взгляд на *Самро*, мысленно перенесшись в III век н. э., — к этому времени И. В. Кондратьев относит создание *Сампо*. Впечатляющая картина откроется. Грандиозное сооружение несет в себе воистину ноосферные смыслы. Топография *Самро* — и конкретика «Калевалы»: сколько тут совпадений! Два разных плана являют свое взаимно-однозначное соответствие. Теория вероятностей работает в пользу И. В. Кондратьева.

Таким образом, читателю предложена для чтения и изучения уникальная книга. Гипотеза автора самоценна как пример продуктивного системного мышления, усиленного поэтической интуицией. Мое глубокое убеждение: научное сообщество должно терпимо относиться к подобного рода гипотезам. На первых стадиях их апробации важен критерий обоснованности и доказательности в развитии нестандартных взглядов, а также мера эрудированности автора — по этим статьям И. В. Кондратьев выдерживает испытание. Новые связи, интересные ассоциации — это самоценно, и это присутствует в рецензируемой книге. Она инициирует творческий поиск.